

История ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

В. Г. Безрогов

М. ЛОМОНОСОВ: НАЧАЛО НАУЧНОГО ПУТИ¹

УДК 371.31

ББК 74.03

В статье рассматриваются годы ученичества М. В. Ломоносова, показывается его новаторское отношение к принятым образовательным стратегиям.

Ключевые слова: индивидуальное обучение, высшая школа, студенчество.

Bezrogov V. G.

Scholarship Holder M. Lomonosov Between Western Education and Russian Patriotism

The article describes M. Lomonosov's period of traineeship and shows his innovative attitude to the accepted educational strategies.

Key words: individual training, higher education, student community.

В биографии М. В. Ломоносова годы обучения протянулись с конца 1710-х годов по начало 1740-х. Они пришлись на первое двадцатилетие утверждения в России имперской идеологии (1721–1741 гг.), завершившееся

воцарением Елизаветы Петровны. Представление о России как о великой империи рождало нужду в воспитании подданных, соответствующих этим представлениям. Время дало Ломоносову уникальный шанс достичь

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 11-06-00277а.

успеха на высочайшем уровне. Годы учения обусловили тот образовательный и психологический потенциал выхода из старого в новый миф, который помог Михайле взойти на петербургскую «сцену». Они делятся на следующие хронологические периоды:

— **домосковский** (1710-е — 1730 гг.: девять лет с матерью до ее смерти в 1720 г. [15], обучение у земляков, скорее всего, в семье и, вероятно, в короткие периоды пребывания с отцовским судном в Архангельске, а затем, по видимому, и в Холмогорах, где в «словесной школе», открытой в 1723 г., учительствовал Иван Каргопольский, воспитанник Славяно-греко-латинской академии (СЛА), обучавшийся в 1717—1723 гг. в Сорбонне, но отправленный в Холмогоры спустя несколько лет после возвращения [21]²; известно освоение Михайлой «трехнижие» Мелетия, Леонтия, Симеона вкупе с обучением чтению церковных книг и пению церковному³; с 10 до 16 лет плавание с отцом, подписи в деловых документах; знакомство с солеварением, саамами («лопарями»), со старобрядцами, вероятно, Выголексинской поморской пустыни: помета на рукописи «Службе и житии Димитрия Мироточца», что с нее «списывал» «Михайла Ломоносов» [см.: 22. С. 53; 31; 7; 9; 24; 8; 6; 3; 4. С.75]);

— **московский** (1731—1735 гг., СЛА, прохождение классов: *фара*, латынь, сер. января 1731 — кон. марта; *инфима*, латынь и славяно-русский, апрель — сер. июля; *грамматика*, сер. июля — кон. декабря; *синтаксима*, латинский синтаксис, арифметика, география, история, краткий катехизис, январь 1732 — сер. июля; *пни-тика*, лат. и рус. поэзия, теория стихосложения [27; 11], сер. июля 1732 — сер. июля 1733; *риторика*, красноречие, сер. июля 1733 — сер. июля 1735; неудачная попытка определиться священником в Оренбургскую экспедицию, отказ от священничества в Карелии; *философия*, логика, сер. июля 1735 — декабрь, отъезд в Петербург; остались непройденными классы философии и богословия);

— **первый петербургский** (январь-август 1736 г., пребывание при Академии наук (АН), обучение немецкому языку, небрежение к присланным ученикам со стороны вызвавших их для продолжения учения в Петербурге);

— **германский** (ноябрь 1736 — май 1741 г., послан обучаться рудному делу к Х. Вольфу, Марбург, земля Гессен, и к И. Ф. Генкелю, Фрейбург, Саксония; с мая 1740 не обучается);

— **второй петербургский** (июнь — декабрь 1741 г., студент проф.

² Ломоносов мог знать учителя Холмогорской школы Ивана Каргопольского последнее время перед побегом в Москву. Но мог быть знаком лишь с его предшественником иеромонахом Виктором, каковой был «родом из Украины» [20. С.95-96].

³ «Грамматика» Смотрицкого, «Арифметика» Магницкого, «Псалтирь» Полоцкого. «Академическая биография», цит.по: [20. С.76]. Азбуку, церковнославянскую грамматику, церковный устав, чтение духовных книг и пение Ломоносов вполне мог изучить в школе при Холмогорском архиерейском доме, открытой там в 1723 г. Жил Михайла тогда в 4–6 км от этой школы (благодарю Л. В.Мошкову за указание на небольшое расстояние между родной деревней Михайлы и епископской школой в Холмогорах).

И. Аммана, с января 1742 адъюнкт физического класса, с сентября читает лекции: ученичество окончилось).

Источники о годах ученичества М. В. Ломоносова чрезвычайно скудны по первым двум периодам, но они сообщают некоторые характеристики отношения Михайлы к учению и к успехам в нем. Так, уже в холмогорский период обнаруживает себя склонность Ломоносова публично подчеркивать свои успехи в обучении чему бы то ни было: «Охота его до чтения на клиросе и за амвоном была так велика, что нередко биван был не от сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим пред ними произносить читаемое к месту расстановочно, внятно, а при том и с особою приятностию и ломкостью голоса» [20. С. 76].

В начале января 1731 г. по прибытию в Москву Ломоносов поступил сначала в Школу математических и навигацких наук, но уже через две недели получил от ректора Славяно-греко-латинской академии позволение быть в нее зачисленным. Мы, к сожалению, не можем сказать ничего определенного, была ли такая перемена места обучения следствием оформившегося намерения пойти по «гуманитарному», а не по «математико-военно-техническому» направлению, или результатом разочарования в первоначальном плане учиться там, где преподавал до 1739 г. Леонтий

Магницкий, автор «Арифметики» (1703), знакомой Михайле еще по Холмогорам и называемой им потом среди «врат», открывших ему науку. О времени обучения в этих двух московских учебных заведениях мы имеем практически лишь только воспоминания самого Михайлы. Остальные сведения весьма косвенны и относятся лишь ко времени обучения (общение с приходившими на Москву земляками и т. п.). Характеризуя московский период своего достаточно успешного ученичества, Ломоносов говорил о массе факторов, отвлекавших его от учения в Славяно-греко-латинской академии: «Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели» [25. т. 10. С. 479]⁴. Часть сил, например, уходила на заботу о платье как способе визуально выключиться из податного сословия. Воспоминания Ломоносова о его бедствиях в Москве расходятся с записью рассказов крестьянина В. Варфоломеева, что Михайла «носил тогда платье сермяжного сукна черкасского покрою; а между прочим в том (Заиконоспасском) монастыре отправлял пономарскую должность»; в крестьянских глазах это были свидетельства хорошего материального положения [26. С. 298–300]. Ломоносов рассказывал, что выбор СГЛА как места обучения определил в

⁴ Распространенный тезис об исключительно быстром прохождении Ломоносовым курса СГЛА по сравнению с другими школярами не соответствует действительности, поскольку в первых низших ее классах переход из класса в класс после 4–6 месяцев обучения был предусмотрен программой «Спасских школ». Ломоносов сдавал экзамены за соответствующий период обучения почти согласно регламенту, в первых классах незначительно опережая других учеников. Далее скорость научения Михайлы затормаживается. См. статью о СГЛА в [16].

конце концов персональные знакомства с земляками. Московский период завершился просьбой быть включенным в число студентов, отправляемых доучиваться в столичный Петербург.

Наиболее представительны документы о пребывании Ломоносова студентом в Германии, прежде всего, переписка самого Михаила и письма о нем других лиц. Рассмотрим этот период и попробуем реконструировать на его основе поведенческую стратегию по отношению к учителю (наставнику в профессии), которая была выработана Ломоносовым к этому времени и, вероятно, трансформировалась в процессе обучения у профессоров двух германских университетов. Изначальная установка, с которой трех юношей в 1736 г. отправили обучаться за границу горному делу, была сформулирована отцом одного из них, горным советником Викентием Рейзером: «Образовать для государственной службы ученых горных офицеров». При детализации задачи мы видим явное переплетение в менталитете заказчика представлений об их обучении как школяров и как подмастерьев: «Так как конечная цель при посылке трех молодых студентов в Фрейберг состоит в том, чтобы они основательно изучили систематическую химию, то эта цель не будет достигнута, ежели они предварительно не пройдут физики. ... Химик, имея дело со множеством природных тел, должен знать силы природы и свойства тел, которые относятся к его области... Только изучив естественные

науки в той мере, в какой это преимущественно надобно для металлургии, и пройдя философический курс по первой части химии Бургаве..., прилагают руки к химии, которая раскрывает перед очами то, что теория в лучшем случае предлагала как вероятную догадку. И при таком порядке [обучения] студент без труда усмотрит, что обыкновенная работа горного и монетного пробирера скорее подобна ремеслу, нежели ученому занятию, и легко может быть перенята другими» [20. С. 204—205]⁵. Отправленные за границу учиться Рейзер, Ломоносов и Виноградов попали не только в незнакомое, непривычное для них социальное и культурное пространство, но и оказались где-то между принятыми в Европе статусами студентов и подмастерьев. Студенты и подмастерья, принадлежавшие западной городской культуре, хорошо осознавали, вернее, чувствовали границы своего «вольного» поведения [33; 1]. Приехавшие студенты подобным знанием, укорененным в менталитете, не обладали [2. С. 148—154]. Они пытались действовать в парадигме иной культуры, но ориентировались на внешние проявления границ своих собратьев. И, не осознавая границ дозволенного, переклестывали через край. Вырванные из привычной обстановки, они, возможно, не понимали своего места в иерархии⁶. В системе категорий «свое» — «чужое» ими усваивались прежде всего внешние стратегии поведения в незнакомой культуре и понимание того, что быть великим ученым — это путь к власти

⁵ Эти представления корреспондировались с наблюдаемым устройством первых петровских школ, в которых каждый ученик проходил курс «наук» со своей собственной скоростью, т. е., по сути, обучаясь индивидуально.

⁶ Сердечно благодарю Л. В. Мошкову за указание на данное обстоятельство.

и авторитету. Однако в преподавании такое понимание проявилось у Ломоносова, как мы увидим, отнюдь не через обожание учеником учителя и не через старинное послушание. Власть над человеком в Московии диктовала совсем другое поведение в моменты ее видимого отсутствия, нежели в культуре Западной Европы.

Первым пунктом назначения стал Марбург [28]. В это время в нем обучалось более трех сотен студентов. Русских студентов направили к Христиану Вольфу (1679–1754), иностранному члену Петербургской АН, знаменитому философу, более известному в России в качестве математика и физика [32; 10; 29]. Почти год ушел на освоение хорошего уровня немецкого языка. В сентябре 1737 г. Ломоносов решает написать своему петербургскому куратору первое письмо по-немецки, прилагая к нему рисунок Каина, выполненный по альбому, который русские студенты взяли с собой. Еще через год в Петербург в качестве отчета отправляется первая студенческая научная работа на латинском языке (октябрь 1738 г.).

Следующая будет в мае 1739-го, незадолго до переезда в саксонский город Фрейберг в июле месяце. Два года и восемь месяцев пробыл Ломоносов первый раз в Марбурге. Что и как изучал Михайла в этом гессенском городе? Как выстраивал отношения со своими учителями?

Отвечая на этот вопрос, необходимо прежде всего отметить наличие по данному поводу инструкций, направляемых учащимся в письменном виде от их академического начальства. Первое наставление подобного рода студиясы обрели в августе 1736 года и в получении оно собственноручно расписались. Показывая «пристойные нравы и поступки», они должны были учиться прежде всего «химической науке и горных дел», а попутно «естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидравлике и гидротехнике», осматривать «рудопроходные места», «машины и строения», трудиться «в лабораториях». Не забыты были надлежащие упражнения в «русском, немецком, латинском и французском языках»⁷. Исполняя такую инструкцию, Ломоносов с на-

⁷ [18. С. 14–15]. В этом же издании приведены и последующие инструкции в адрес Ломоносова и его однокашников Дмитрия Виноградова и Густава-Ульриха Рейзера. В них, в частности, говорится об изучении минералогии, ботаники, зоологии. Инструкции предусматривали большую долю самообразования и необходимость перечисления в отчетах всех прослушанных курсов и лекций. Тон инструкций предполагает существование студентов из России в отрыве от обычной университетской жизни (инструменты, наставники, книги). Петербургские «режиссеры» обучения посланных в Германию стипендиатов не полагали для них необходимым вступать в тесные контакты с другими соучениками. Завязывание полезных контактов, по-видимому, считалось нежелательным и даже опасным, ибо могло привести к решению не возвращаться на родину (такие казусы нередко случались с их предшественниками по обучению в иноземных государствах). Нигде в инструкциях не говорится о совместных занятиях вместе с другими марбургскими, а затем фрейбергскими студентами. Как нам представляется, в этих распоряжениях речь шла преимущественно об эксклюзивных уроках, оплачиваемых особо из российской казны. Поэтому не случайно посещение бесплатных для россиян «публичных лекций» особо подчеркивается в отчетах (*Collegium Chymicum theoreticum* Дуйзинга). В сохранившемся рассказе марбургского студента И. С. Пюттера о Ломоносове не сообщается ничего об их совместном обучении [19. С. 90].

ября до апреля 1737 года «брал уроки немецкого языка, арифметики, геометрии и тригонометрии», а с мая — французского и рисования. Основными базовыми курсами были общеуниверситетские лекции по химии у профессора Ю. Дуйзинга, а также эксклюзивные лекции русским студентам по механике, гидравлике и гидростатике самого Вольфа. Доминировавшей формой обучения гостей из России были частные уроки у профессоров и их учеников.⁸ Это выделяло и возвышало россиян над остальными марбургскими студентами, но и до некоторой степени обособляло их, лишало содержательного общения со сверстниками, направляло больше на самообразование.

Поэтому, вероятно, не случайно, что к октябрю 1737 года относится первый след зарождавшейся у Ломоносова концепции харизматической обоснованности и оправданности всех своих действий исполнением «ВысочайшейволиЕяИмператорского Величества». Впоследствии, уже после переезда в город Фрейберг, данная патриотическая концепция детализируется в сознании двадцативосьмилетнего Михайлы во время его конфликта с горным советником И. Ф. Генкелем [18. С. 34–35].

Сохранился своего рода «бюджет времени», составленный Ломоносовым в октябре 1738 года на исходе второго

года пребывания в Марбурге. В нем упоминается ежедневное посещение двух публичных лекций. Остальное время отводилось на самоподготовку: «Я у господина регирунгсрата и профессора Вольфа слушал Collegium physicum theoreticum по утрам от 11 до 12 часов и Collegium logicum после обеда от 4 до 5 часов. В настоящее же время я у того же господина регирунгсрата Вольфа посещаю Collegium physicum experimentale от 9 до 10 часов утра и Collegium methaphysicum от 3 до 4 часов после обеда. Химию повторяю по сочинениям Бургава, Шталя и Штабеля. До сих пор я по утрам от 10 до 11 часов упражнялся также в рисовании» [18. С. 32–33]⁹.

Вольф оценивал прилежание и успехи российских студентов более чем с прохладцей. Спустя год занятий он писал обо все еще не вполне хорошем знании ими немецкого языка [19. С. 85–86]¹⁰. Ломоносов имел неплохую подготовку в латинском (наследство московского периода ученичества). Уроки французского языка россияне не пожелали оплачивать, а бесплатного учителя этому предмету им найти не удалось. В начале 1739 года Вольф сетует на неумение российских студентов пользоваться «той свободой, которой их в университете никак нельзя лишить», и счи-

⁸ Немецким и математикой Михайла занимался с помощником Вольфа Иоганном-Конрадом Шпангенбергом, своим ровесником (1711–1783) [25. т. 10. С. 507].

⁹ Спустя полвека русский студент в Женеве Павел Строганов считал бы такой учебный распорядок слишком облегченным. См. описание его рабочего дня в январе 1787 г. [30. С. 227].

¹⁰ Чем дальше, тем все больше профессора беспокоит беспорядочный образ жизни русских студентов. Это беспокойство, попытки наставника уладить финансовые дела склонных к кутежам и женскому полу молодых мужчин вытесняют из писем Вольфа почти все содержательные сведения об их обучении. В январских 1739 года письмах говорится о завершении в Марбурге Ломоносовым, Рейзером и Виноградовым практически всех курсов, кроме

тает, что им со стороны петербургских кураторов следовало бы наказать покинуть университет и поступить в качестве подмастерьев в обучение к какому-нибудь «химику»-профессионалу [19. С. 93–95]. Вольфа, наблюдавшего учеников из разных частей Европы и понимавшего, что необходимо во многом извинять и помогать приезжающим издалека, очень обескураживала и беспокоила беспечность русских в финансовых делах и обязательствах по отношению к другим людям, особенно к тем, кто не были над ними формальными начальниками [19. С. 98–100]¹¹. «Они чрезвычайно дерзки против своих кредиторов, тотчас грозя им своей шпагой, и насильно заставляют их давать им в долг деньги... На обещания они мастера...» В этом письме явно сквозит недоумение немецкого ученого — теоретика и экспериментатора, — происходившее от непонятной ему природы наблюдаемых представителей, вероятно, достаточно редких для его окружения культурных обычаев¹². В письме к куратору российских студентов барону И. А. Корфу, написанном уже после их отправки из Марбурга во Фрейбург, Вольф

дает, наконец, волю своим чувствам и немалому, долго сдерживаемому раздражению: «Студенты уехали отсюда 20 июля [1739] утром после 5 часов и сели в экипаж у моего дома, причем каждому при входе в карету вручены деньги на путевые издержки. Из-за Виноградова мне пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновения его с разными студентами, которые могли замедлить отъезд. Ломоносов также еще выкинул штуку, в которой было мало проку и которая могла только послужить задержкою, если бы я, по теперешнему моему званию проректора, не предупредил этого». Поскольку с точки зрения Вольфа Ломоносов кроме немецкого языка «сделал успехи и в науках», то его наставник не стал раскрывать, какого рода «штуку» пробовал выкинуть Herr Lomonosoff. Однако далее он и о нем снова говорит весьма неслестно: «Причина их долгов обнаруживается лишь теперь, после их отъезда. Они через меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу. Пока они сами еще были здесь налицо, всякий боялся сказать про них что-нибудь, потому что

¹¹ М. Ломоносов, как выходец из податного сословия, испытывал, по-видимому, особо серьезные трудности в налаживании горизонтального социального общения с равными себе неродичами и выстраивании в отношениях с ними системы взаимных обязательств (в этом ему совсем не помогали получаемые из России инструкции). Вероятно, Михайле гораздо понятнее были вертикальные отношения власти и подчинения. Нетерпимость к людям равного статуса, находившимся в одном с Ломоносовым отношении к власти, подчеркивали впоследствии многие современники поэта и ученого.

¹² Известно, что Вольф, ученый энциклопедического склада, создавал систему трактатов, стремившихся объять весь мир и все происходившие в нем процессы в науке «о всех возможных вещах». Мне сейчас трудно сказать, насколько Христиан Вольф в трудах «о Боге, мире и душе человека», «о силах человеческого ума и правильном их употреблении», «о деяниях и поступках людей», «об общественной жизни людей» и других предугадал или смог описать представителей той породы, которую он наблюдал у приехавших из России. См.: [35]

они угрозами своими держали всех в страхе. Отъезд их освободил меня от многих хлопот» [19. С. 106—109]. Вежливость Вольфа и его обязательства перед Петербургской АН сыграли большую роль в том, что немецкий профессор продолжал поддерживать Ломоносова и в последующие годы вплоть до момента отъезда Михайлы обратно в Петербург. Впоследствии Ломоносов постоянно подчеркивал благодеяния Вольфа по отношению к нему, хотя не всегда без легкой издевки в адрес своего немецкого наставника¹³.

В июле 1739 г. Ломоносов, оставив в Марбурге на шестом месяце беременности свою невенчанную подругу Елизавету Христину, дочь квартирной хозяйки, переезжает во Фрейберг учиться у знаменитого специалиста по минералам и рудникам, берграта («горного мастера») Иоганна Генкеля (1678—1744) [34]. Новому ученику предстояло постигать у него «разработку рудников и устройство машин» уже в полном отрыве от какой бы то ни было университетской жизни («берграт держит их у себя в доме, и они не живут в университете») [19. С. 107—109, 112—113]. Петербургские

режиссеры теперь, после относительных неудач в Марбурге, определенно рассматривают пребывание трех студентов у Генкеля как своего рода «ученое ремесленное ученичество», усиливая внеуниверситетский его характер. Молодым (по крайней мере, статусно) людям велено «оказывать г. берг-физику Генкелю, яко своему начальнику, должное почтение и прилежно исполнять все его распоряжения относительно занятий, образа жизни и поведения» [20. С. 307]¹⁴. И вот здесь наступает своего рода кульминация всего периода заграничного ученичества Михайлы Ломоносова: конфликт с наставником Генкелем.

Конфликт начался в конце декабря 1739 года, а в начале мая 1740 года Ломоносов был вынужден покинуть Фрейберг и скрыться. В июле было принято решение отозвать его в Петербург, но оное удалось исполнить лишь в мае 1741 года.

Первая часть действия описана Генкелем так: «Сначала я почти отличал его [перед другими двумя приехавшими студентами], но вскоре заметил, что он человек не очень доброго нрава и предан пьянству... Видя, однако же, что у него светлая

¹³ Например, такой: «Хотя я твердо уверен, что это мистическое учение [Вольфа] должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, но я боюсь опечалить старость мужу, благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть, иначе я не побоялся бы раздражить по всей Германии шершней-монадистов» (Из письма Л. Эйлеру 12/23 февраля 1754 г. [25. Т. 10. С. 501—502]). В контексте интеллектуальной переписки ученых XVIII века подобный стиль заключал в себе явное издевательство или в лучшем случае подтрунивание за спиной Вольфа.

¹⁴ Подобное ученичество хорошо корреспондировалось с опробованной еще в Марбурге практикой частных уроков, даваемых русским студентам специально нанимаемыми для этого учителями. Теперь поступили также, найдя для русских, помимо самого Генкеля, еще Иоганна Керна, «обучавшего всех троих» «чертежам и наброскам рудничных строений, плавильных печей, различных приспособлений и машин, а также штуфов», то есть образцов руды (письмо Генкеля Корфу 10.08.1739 [20. С. 312]).

голова и что он оказывает успехи в изучении металлургии, я все еще надеялся, что он исправится... Поручил я ему, между прочим, заняться у огня работою такого рода, которую обыкновенно и сам исполнял, да и другие не отказывались делать, но он мне два раза наотрез ответил: не хочу. Видя, что он, кажется, намерен отделаться от работы [«он меня растирать сулему поставил»] и уже давно желает разыгрывать роль господина, я решился... испытать его послушание... объясняя ему, что он таким образом ничему не научится, да и здесь будет совершенно бесполезен... он... страшно... кричал... ругался...» [19. С. 116–122; 18. С. 40–45]. Мы видим здесь наглядно выраженное отрицание индивидуальных ученических отношений и принципа главенства наставника в ремесле над подмастерьем, над его личностью и силой рук. Ломоносов отвергает ремесленное ученичество, традиционное профессиональное наставничество. Он говорит об «уязвленной невинности», ибо воля и «покровительство Всемиловитейшей Государыни Императрицы нашей» не позволяли ему «терпеливо сносить» указания Генкеля. Идея использования в полемике и карьере государственного мифа, зародившаяся еще в 1737 году, обретает в декабре 1739 г. окончательную формулировку. В свете

разраставшегося во Фрейберге конфликта для поддержания и углубления внимания к себе именно в это время Ломоносов отправляет в Петербург сочиненную в сентябре-начале декабря «Оду на взятие Хотина».¹⁵ Расчет удался: ода получила некоторый резонанс в столице. Хотя она и не была напечатана, но автор запомнился в Академии многим властью предреждавшим. Вероятно, уже с помощью этого сочинения автор нащупал важный и возможный для него канал влияния на власть, его спонсировавшую: сочинение панегирических, торжественно-официозных текстов (од, транспарантов и другой «наглядной агитации»), разработка планов праздничных иллюминаций, фейерверков. По крайней мере, неоднозначный одический талант Ломоносова был, по-видимому, в числе не последних причин, обеспечивших Михайле защиту главы академической канцелярии Иоганна Шумахера (1690–1761), все сделавшего для того, чтобы отозванного из образовательной поездки казеннокоштного студента не подвергли суровому наказанию за провальные — с точки зрения Академии наук — результаты его заграничной командировки.

В своем последующем письме к Генкелю ученик как бы полуизвиняется, выражая намерение «предать все забвению» [18. С. 34–36]. Но отно-

¹⁵ По-видимому, до 12 декабря, когда в иностранную печать, широко освещавшую баталию 17 августа 1739 года между российским и турецким войсками, впервые просочились сведения о заключенном 7 сентября 1739 г. мире. Российская печать в это время еще ничего не сообщала о мирном договоре, ожидая ратификации оного. Сведения о сражении и взятии крепости Хотин появились в «Санкт-Петербургских ведомостях» 14 сентября, а в немецких газетах, начиная с 29 сентября. Но и в ноябре еще в дрезденской *Das Neueste von der Zeit* писали о большой значимости победы при Хотине, о немалом количестве захваченных военных трофеев [20. С.3 62–363].

шения не восстанавливаются: «Я потом опять стал обращаться с ним так ласково, как будто между нами ничего не было. Но ни строгость, ни ласки не действовали на него, и с каждым днем становилось очевиднее, что от него нельзя ожидать исправления...» [19. С. 116—122]. Далее Генкель, понимающий, что представителю иной культуры трудно адаптироваться к незнакомым правилам, условиям и условиям, описывает, как он приостановил отправку в Петербург доклада о поведении Ломоносова в надежде, что тот «образумится» и пообвыкнет. Однако ученик продолжал дерзить, обвинять наставника в присвоении российских денег, вести себя буйно, отказывался прислушаться к обращенным к нему призывам снова взяться за учебу. Учиться у Генделя Ломоносову уже было неинтересно. Любовь к знаниям не перевешивала раздражения, в том числе от детального изложения материала¹⁶. В начале мая 1740 г. после очередного столкновения с наставником ученик берграта исчез из Фрейберга (чтобы не быть взятым под стражу городскими властями) и до мая 1741 г. странствовал: побывал в Лейпциге, Касселе, Голландии (Роттердам, Гаага, Амстердам), несколько раз возвращался в Марбург (там 26.05.1740 г. обвенчался с Елизаветой Христиной). Петербургская Академия наук пыталась его разыскать. Некоторое время ей этого не удавалось, о чем свидетельствует, например, такое письмо Генкелю: «Получив письмо Ваше из Фрейберга от 20.06.1740 г., Академия

наук к крайнему своему неудовольствию узнала о непристойном поведении студента Ломоносова. По-видимому, почти приходится думать, что с этим человеком вряд ли удастся за границей достигнуть предположенной цели, и потому признано полезным отозвать его сюда, чтобы употребить его на что-нибудь, сообразно его способностям. Об отправлении его уже сообщено письменно... Потрудитесь показать вид, что Вы ничего не знаете, с тем, чтобы человек этот не вздумал скрыться» [19. С. 360]. Академия, видно, опасалась получить еще одного «невозвращенца» из молодых людей, посланных обучаться за границу. Невозвращенцев в те годы случалось не так мало из числа посланных за границу.

Трудно реконструировать вероятную внутреннюю борьбу, шедшую в Ломоносове, решавшем: затеряться в Европе или вернуться, поставив на своего рода мессианскую идею царственного к нему покровительства. Михайла не знал тех условий, на которых его могли принять на родину обратно; «знакомые купцы из Архангельска», уже испытав крутой характер властей в отношении неисполнения повелений, не советовали «без приказанья в Петербург возвращаться», представив Ломоносову «кучу опасностей и несчастий», могущих впоследствии от такого решения. Бывший стипендиат с ноября 1740 г. пытается со своей стороны восстановить переписку с Петербургом, позиционировать себя как тем не менее полезного государству (в том числе и в качестве официального поэ-

¹⁶ «Он за первые четыре месяца едва с изложением учения о солях управился, на что и одного месяца хватило б» (Письмо к И. Д. Шумахеру 16 ноября 1740 г. [25. Т. 10. С. 423]).

та-панегириста) и понять, какие виды имеют на него в столице, насколько осерчали за неисполнение инструкций. Из его письма И. Д. Шумахеру, заведовавшему всей жизнью Академии наук, такая позиция явно видна: «Я уверен, что Вы, по природной доброте Вашей, не захотите меня, несчастного и угнетенного, отвергнуть и погубить человека, который уже в состоянии служить Ея Величеству и приносить пользу отечеству, а дадите мне испытать Вашу благосклонность. Кажется мне, правда, что Вы подумаете про меня: с Генкелем рассорился и не имеет более никакой надежды обучиться, как должно, химии и металлургии. Но сего господина могут почитать идолом только те, которые коротко его не знают. Я же не хотел бы променять на него свои, хотя и малые, но основательные знания, и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводной звездой и единственным своим спасением» [18. С. 40–47]. Вопрос о возможности официального возвращения завуалирован заявкой на присылку новых стипендиальных денег для посещения рудников в Гарце. Известно, что посещать копи и спускаться в шахты Ломоносов явно не любил. Он идет на рассуждение о желательности для него такой перспективы, внутренне желая показать, на какие жертвы он готов ради восстановления отношений с Петербургом.

В ожидании ответа некоторое время осенью 1740 года, а потом с января 1741 г. до своего отъезда на родину в мае 1741 г. он живет инкогнито в Марбурге у жены. Пробует освоить аптекарское дело. Ответ на ноябрьское письмо оказался четким и яс-

ным: «не медлить ни одной минуты», «немедленно отправиться в Любек и оттуда тотчас по открытии навигации прибыть» в российскую столицу. Период германского ученичества закончился. В poslanном Ломоносову ордере на возвращение говорилось, что «Императорская Академия наук признала за благо отозвать его сюда и употребить здесь на другое дело» [18. С. 54–56]. Ломоносов прошел между студенчеством и ремесленным ученичеством, получив, как он полагал, «надлежащие» и «основательные» знания, более или менее самостоятельно решив вопрос о продолжительности и объеме своего обучения. По его указанию были распроданы все приобретенные им за время студенчества книги, в том числе научные, за исключением «хотя бы трех» увесистых томов, которые он просит выслать ему для того, чтобы увезти с собой в Россию: более чем тысячестраничное сочинение на латыни Николая Каусина (1580?–1651) «О духовном и светском красноречии 16 книг» (1626), семисотстраничное немецкое издание «Истории княжества Московитского» (1620) Петра Петрея (1570–1622) и тысячестраничное собрание немецких и латинских стихотворений Иоганна Гюнтера (1695–1723), выпущенное очередным тиражом в 1735 г. Почему Ломоносов на фоне разрыва со своими прежними товарищами («я не предполагал, что предложенной Вами дружбе столь быстро наступит конец... допустимо ли совершенно забыть своего земляка и товарища, который еще в состоянии быть в том или ином случае полезным», — пишет

он Д. Виноградову в апреле 1741 г.) решается просить только о книгах по риторике, русской истории и поэзии? Из-за долгов? Из-за разрыва с однокашниками вызывает у них самое важное? Ожидает ли особого применения своих талантов в России с опорой именно на данные сферы интеллектуальной деятельности? К сожалению, мы ничего не знаем о мотивах такого решения. Но вряд ли оно было принято из ощущения, скажем, несовершенства в красноречии, поскольку риторикой Ломоносов занимался еще в Москве в «Спасских школах». Стихотворения Гюнтера он любил, «знал их почти наизусть» [17. С. 44, 53]. Мнения молодого человека о Петре мы не знаем, но столь ранний интерес к истории своей страны, пусть даже выставленной в этой книге не в очень позитивном ключе, весьма любопытен для будущего царедворца и панегириста. Риторика, история, поэзия станут помимо естественно-научных и технических штудий основными сферами применения Ломоносовым своих сил по возвращении в отечество.

С июня 1741 г. начинается последний период ученичества Ломоносова, завершившийся в самом начале января 1742 г. определением его адъюнктом физического класса в Петербургской Академии наук и назначением ему денежного содержания (оклада) за его научную и преподавательскую деятельность. С июня по декабрь 1741 г. Ломоносов трудится под руководством врача, профессора ботаники и натуральной истории Иоганна Аммана (1707–1741) над завершением начатого еще в 1731 г.

И. Г. Гмелиным «Каталога минералов». Амману поручили «преподавать ему естественную историю, особенно по царству ископаемых, и руководить его занятиями» по каталогизации коллекций. Первоначально предполагалось возложить на него руководство написанием Ломоносовым итоговой диссертации, рассмотрение которой должно было завершить период его ученичества. Вероятно, из-за не очень сильного здоровья Аммана (он скончался в возрасте 34 лет 4 декабря 1741 г.) обязанности научного руководителя были распределены между прочими членами Академии. Две написанные М. В. Ломоносовым еще в июле-августе 1741 г. диссертации («Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте» и «Физико-химические рассуждения о соответствии серебра и ртути, философские принципы») рассмотрены осенью профессорами вкупе с тремя диссертациями Г. У. Райзера и тремя диссертациями Д. И. Виноградова, его бывших соратников по обучению в германских землях. После рецензирования и обсуждения текстов 20 ноября 1741 г. Академическая конференция решила, что для получения итогового аттестата должен последовать экзамен, для Ломоносова в России, для Райзера и Виноградова — «за границею» у «тамошних профессоров» [19. С. 363]. Государственный переворот 25 ноября 1741 г., воцарение Елизаветы Петровны помешали намеченным планам, но не отменили их совсем; более того, у Ломоносова появился шанс стать заметным в условиях подвижки действующих вокруг трона фигур. В январе 1742 г. Ломоносов

направляет новой императрице прошение о пожаловании «тем чином, которого Императорская академия наук меня по моим наукам удостоит, в котором чину я, низжайший, отечеству полезен быть и Вашему Величеству верно и ревностно служить не премину», но настойчиво напоминает, что обещан ему был чин профессорский: «Послан был я, низжайший, в Марбургский университет для научения математики и философий с таким обнадеживанием, что ежели я, низжайший, мне указанные науки приму, то определить меня, низжайшего, здесь экстраординарным профессором, такожде и впредь по достоинству [в чинах] производить» [19. С. 363, 364]. Говоря о своем обучении в Германии во Фрейберге и Марбурге, кандидат на должность профессора горделиво пишет: «Во оных городах будучи, я чрез полпята года [4, 5] не токмо указанные мне науки принял, но в физике, химии и натуральной гистории горных дел так произошел, что оным других учить и к тому принадлежащие полезные книги с новыми инвенциями писать могу» [25. Т. 10. С. 326, 329]. Расчет на нужду в смысленных и образованных оказался верным, хотя и не принес сразу искомого звания. В непонятных политических условиях после ноябрьских событий академическим властям трудно было в произведении чинов перескакивать в званиях и окладах через прописанные в регламенте ступени. Советник Академической канцелярии

И. Д. Шумахер накладывает 8 января 1742 года максимально возможную (по тем временам) положительную резолюцию на определение пока еще не в профессора, но в адъюнкты (предшествующий профессорству чин). Профессорское собрание в марте утверждает его вердикт, и 11 мая 1742 года новый адъюнкт впервые присутствует на аналогичном собрании уже не в качестве ученика. Ученичество заканчивается, сочинительство и исследование продолжают, учительство начинается, организация химической лаборатории еще только намечается, не говоря о последующих деяниях, в том числе на поле организации образования и пропаганды наук.

В итоге всех четырех периодов ученичества Ломоносов формулирует новую парадигму отношения к учителю. Парадигму требовательности к нему со стороны ученика, парадигму защиты последним своей самостоятельности, права быть не только автодидактом, но и равным наставнику участником научно-образовательного диалога¹⁷. Парадигму ученичества, оправданного патриотизмом и готовностью служить своему Отечеству в качестве верного его сына. Патриотическая репрезентация стала последним уроком его ученичества, способом достичь цельности при всем многообразии интересов. При всех издержках новое рассмотрение ученичества как способа преодоления зависимости от наставника явилось

¹⁷ Интересно, что подобная парадигма вырастала в то время не только в принятой Ломоносовым и до известной степени его сотоварищами стратегии поведения, но и в поведении других российских школяров, «петровских» студентов, обучавшихся за границей тем или иным наукам и ремеслам. Ломоносов обобщил и сделал максимально успешной новую биографическую стратегию. См.: [23. С. 20–21; 5. С. 45].

для России, скорее всего, прогрессивным педагогическим образом и идеалом¹⁸. Наше рассмотрение приобретения Ломоносовым формирующего его личность опыта подтверждает слова одного из директоров академического музея М. В. Ломоносова Э. П. Карпеева о том, что «естественно-научная рациональность» была «уравновешена» патриотизмом как одной из определяющих черт ломоносовской личности. «Душевное беспокойство», «внутреннее напряжение» определили зарождение именно такой индивидуальной парадигмы на основе личностных трудностей с вписыванием Ломоносова в окружающую его среду [13; 14]. Однако эти трудности характера обусловили не только сложности жизненного пути. Его неоднозначное своеобразие оказалось для новой, императорской России необходимым и желанным. Оно привело к созиданию человека нового типа. Человека, могущего поставить на служение себе и своему делу всю самодержавную власть в государстве. Человека, показавшего, что ученый — это большой человек, что он многое может, в том числе соединить образование, науку и предприимчивость, умение выбиваться в люди с помощью своего интеллекта.

Ломоносов очень вовремя приехал домой из ученических странствий. Все послепетровское перебродило, и Елизавета стала выстраивать имидж серьезного имперского государства, а оно без ученых мужей (и университета) сильно проигрывало бы. Начинается

гонка: Россия — это большое государство на рубеже Европы и Азии — противопоставляет себя Европе. А большому государству нужны большие люди и идеи. Ломоносов всем собой демонстрировал, что он способен активно включаться в построение новой России. И. И. Шувалов и М. Л. Воронцов, по-видимому, не случайно поддерживали именно его, ожидая от него быстрых и громких результатов.

В 1741 году Михайле 30 лет — самый карьерный возраст. Им так или иначе, в той или иной степени, но воспринят опыт Запада при сохранении менталитета собственно российского человека. В этом заключалось его большое преимущество перед другими. Возвращаясь, он подчеркивает и приобретенную непрерывными трудами западную просвещенность, и сохраненную российскую преданность. Мастерски овладевает дискурсом патриотизма. «Имперскость» должна была воспринять «западность», чтобы проталкивать имперскую идею на уровне международных отношений и рейтингового соревнования европейских государств. Поэтому подлинный научный уровень адъюнкта физического класса, а затем профессора химии подчас трудно было оценить реально. Ломоносов мог во многих ситуациях заявить о себе громче всех, прикрываясь иллюзиями просвещения и науки как «ученых прихотей» идеальных, «просвещенных монархов», разделяемых и придворными кругами как покровителями профессоров.

¹⁸ Следование учителю и разрыв с ним представляют собой два взаимосвязанных и постоянно борющихся друг с другом алгоритма педагогического процесса. Ломоносов стал одним из первых, кто открыл их взаимодействие для российской педагогической культуры. О двух путях (модусах) ученичества см.: [12. С. 119–122].

Лозунг науки и просвещенности стал для него основным. Империя вставала на ноги, фигура М. В. Ломоносова идеально подошла к создававшемуся для нее контексту большого пространства, рационализируемого властью, мысля-

щей себя просвещенной. Своим успехом она освятила новое понимание отношений ученика с его учителями. Понимание, заветное последнее, заветное ученикам.

Список литературы

1. Андреев, А. Ю. . Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А. Ю. Андреев. — М.: Знак, 2009. — 649 с.
2. Андреев, А. Ю. студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века / А. Ю. Андреев. — М.: Знак, 2005. — 432 с.
3. Бабкин, Д. С. Биографии Ломоносова, составленные его современниками / Д. С. Бабкин // Ломоносов. — М.-Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1946. — Т. 1. — С. 27—31.
4. Бабкин, Д. С. Юношеские искания М. В. Ломоносова / Д. С. Бабкин // На рубеже. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1947. — № 5. — С. 72—76.
5. Баллошина, Н. И. Становление системы образовательного книгоиздания в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. / Н. И. Баллошина // Просвещение на Руси, в России: исторический опыт: материалы 19-й Всеросс. заочн. научн. конф. ; отв. ред. С. Н. Полторак. — СПб., 2000. — С. 47—49.
6. Бубнов, Н. Ю. Ломоносов и старообрядчество / Н. Ю. Бубнов // Ломоносов и книга. — Л. : АН СССР, 1986. — С.28—35.
7. Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — 352 с.
8. Галанин, Д. Д. М. В. Ломоносов как мировой гений русской культуры / Д. Д. Галанин. — М. : Издательство Ю. И. Лепковского, 1916. — 88 с.
9. Дружинин, В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни / В. Г. Дружинин. — СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. — 32 с.
10. Жучков, В. А. Из истории немецкой философии XVIII в. Предклассический период. От вольфовской школы до раннего Канта / В. А. Жучков. — М. : ИФ РАН, 1996. — 260 с.
11. Зубов, В. П. Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия / В. П. Зубов // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. — М. : Издательство АН СССР, 1954. — Т. 1. — С. 1—52.
12. Иванченко, Г. В., Новиков В. В. Экзистенциальный опыт ученичества // Первая Всерос. научно-практ. конф. по экзистенциальной психологии. Москва, 29 марта — 1 апреля 2001 г. Материалы сообщений. М. : ВИРТАС, 2001. — С. 42—47.
13. Карпеев, Э. П. Ессе Номо (Опыт создания психологического портрета М. В. Ломоносова) / Э. П. Карпеев // Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь / РАН; музей М. В. Ломоносова / Ред.-сост. Э. П. Карпеев. — СПб. : Наука, 1999. — С. 248—258.
14. Карпеев, Э. П. Русская культура и Ломоносов / Э. П. Карпеев ; отв. ред. Т. М. Моисеева. — СПб. : Наука, 2005. — 132 с.

15. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / под ред. А. В. Топчиева, Н. А. Фигурновского, В. Л. Ченкала / сост. Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — 435 с.

16. 16. Ломоносов: краткий энциклопедический словарь. — СПб. : Наука, 1999. — 258 с.

17. М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников / сост. Г. Е. Павлова / отв. ред. П. Н. Берков. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1962. — 232 с.

18. Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765 / сост. Г. Г. Мартынов. — М. : ЛомоносовЪ, 2010. — 509 с.

19. 19. Михаил Ломоносов глазами современников. Документы. Письма. Записки. Статьи. Эпитафии и панегирики. Надписи / сост. Г. Г. Мартынов. — М. : ЛомоносовЪ, 2011. — 532 с.

20. Морозов, А. А. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, 1711–1741 / А. А. Морозов. — М.-Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1962. — 487 с.

21. Мошкова, Л. В. Ранние автографы М. В. Ломоносова: проблемы и перспективы анализа / Л. В. Мошкова // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2011. — № 2,

22. Пашков, А. М. Выговская поморская пустынь и ее культура / А. М. Пашков // Старообрядчество: история, культура, современность. — 1996. — № 5. — С. 50–54.

23. Пекарский, П. П. Наука и литература в России при Петре Великом / П. П. Пекарский. — СПб. : т-во «Общественная польза», 1862. — Т. 1. — 579 с.

24. Политур, Н. Р. Михаил Васильевич Ломоносов и жизнь XVIII века /

Н. Р. Политур. — СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1912. — 124 с.

25. Полное собрание сочинений. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1983.

26. Путешествия академика Ивана Лепехина. — СПб. : Изд. Ученый комитет, 1805. — 458 с.

27. Смирнов, С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии / С. К. Смирнов. — М. : тип. В. Готье, 1855. — 436 с.

28. Ломоносов — студент Марбургского университета / М. И. Сухомлинов // Русский вестник. — 1861. — № 1. — Т. 31. — С. 127–165.

29. 29. Философский век // Альманах: Христиан Вольф и русское вольфианство / отв. редакторы Т. В. Артемьева и М. П. Микешин. — СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. — Вып. 3. — 393 с.

30. Чудинов, А. В. Жилбер Ромм и Павел Стrogанов: История необычного союза / А. В. Чудинов. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 344 с.

31. Юхименко, Е. М. Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского обществн- тельства / Е. М. Юхименко // ТОДРЛ — СПб. : ОДРЛ, 2001. — Т. 52. — 487 с.

32. Biller, G. Wolff nach Kant. Eine Bibliographie / G. Biller. — Hildesheim : Georg Olms, 2004. — 251 s.

33. Die Buchbinder und ihr Handwerk im Herzogtum Braunschweig von 1651 bis zum 1914 / U. M. Etzold. — Braunschweig : Appelhaus, 2007. — 641 s.

34. Herrmann, W. Berggrat Henckel: ein Wegbereiter der Bergakademie / W. Herrmann. — Berlin : Akademie Verlag, 1962. — 119 s.

35. Wolff, Chr. Gesammelte Werke. Deutsch [22 Bde. in 30 tomes], Latin [37 Bde. in 42 tomes] / Chr. Wolff. — Materialien. Hildesheim: Olms, 1962–1983. —